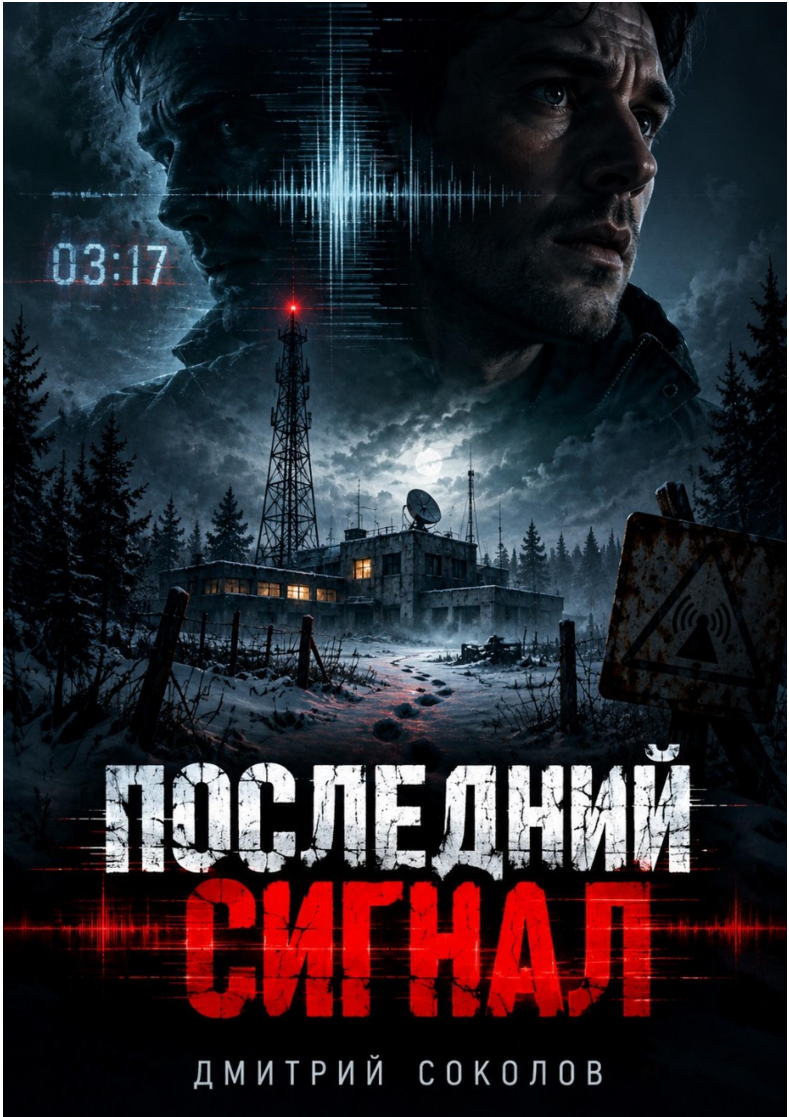

03:17
ПОСЛЕДНИЙ
СИГНАЛ
ДМИТРИЙ СОКОЛОВ

Дмитрий Соколов
Последний сигнал

https://litres.ru/74717024
SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей Соколов получает странное предложение: отправиться в заброшенный посёлок Лесное и проверить радиостанцию, закрытую почти двадцать лет назад.

Работа кажется обычной, пока из старого приёмника не раздаётся голос самого Андрея. Незнакомец знает его имя, помнит события, о которых Андрей забыл, и настойчиво предупреждает: не включать передатчик после 03:17.

В старых документах обнаруживается предупреждение с фамилией Соколова. В тёмном окне появляется чужое отражение, а память начинает подводить всё чаще.

Андрей пытается разобраться, что происходит на заброшенной станции. Но чем ближе он подбирается к разгадке, тем страшнее становится вопрос: бывал ли он здесь раньше?

И если голос в радиоприёмнике принадлежит ему, то кто из них настоящий?

«Последний сигнал» — психологический триллер с элементами хоррора о потерянной памяти, двойниках и тайне, которую лучше не раскрывать.

Дмитрий Соколов
Последний сигнал

Глава 1

ПОСЛЕДНИЙ СИГНАЛ

Глава 1. Частота 03:17

К посёлку Лесному вела одна дорога — узкая, разбитая тяжёлыми

грузовиками и почти полностью скрытая под мокрым октябрьским снегом.

По обеим сторонам тянулся лес. Высокие ели стояли так плотно, что даже

днём здесь царил сумрак, а сейчас, ближе к вечеру, дорога казалась

прорезью в чёрной стене.

Андрей Соколов сбросил скорость перед поворотом. Колёса зашуршали

по гравию, машину качнуло на глубокой колее.

Навигатор уже полчаса показывал, что он прибыл на место.

Андрей посмотрел на экран, усмехнулся и выключил его.

— Очень смешно.

Связи не было с тех пор, как он свернул с федеральной трассы. Телефон

разрядился почти наполовину, хотя утром аккумулятор был заряжен

полностью. Впрочем, это мало его беспокоило. Он привык работать там, где

мобильная сеть была скорее приятным исключением, чем чем-то само собой

разумеющимся.

Беспокоило другое.

В сопроводительных документах к заказу значился адрес радиостанции,

закрытой почти двадцать лет назад. Требовалось проверить сохранившееся

оборудование, составить акт о состоянии передатчика и выяснить, почему в

последние недели на одной из старых частот фиксировался сигнал.

Обычная техническая работа. Ничего сложного.

По крайней мере, так ему объяснили по телефону.

Заказ поступил через подрядчика, с которым Андрей сотрудничал уже

несколько лет. Оплата была выше обычной, сроки — сжатые, а заказчик

почему-то настаивал, чтобы первый осмотр проводился без местной

бригады. Андрей решил, что дело в бюрократии: старое

оборудование,

спорный балансодержатель, никому не нужный объект, за который всё ещё

кто-то отвечает.

Он не любил задавать лишние вопросы до начала работы. Вопросы

стоили времени, а время, как он знал по собственному опыту, редко кто

собирался оплачивать.

На пассажирском сиденье лежала папка с документами. Андрей

протянул руку и перелистнул верхний лист, не отрывая взгляда от дороги.

На последней странице была фотография радиостанции: одноэтажное

здание с облупившейся белой краской, металлическая вышка за ним и ряд

тёмных окон.

Снимок был старым. На обороте стояла дата — 2004 год. Под фотографией кто-то написал от руки: «Объект не эксплуатируется».

Андрей вернул лист на место.

Он помнил, как утром собирал инструменты, как проверял заряд фонаря,

как звонил Лене и обещал вернуться до полуночи. Помнил даже, что забыл

купить кофе на дорогу.

Но он не мог вспомнить, кто именно позвонил ему с предложением этой

работы.

Странность была мелкой, почти незаметной. За неделю Андрей

принимал десятки звонков. Заказы, сметы, переносы сро-

ков, чужие

проблемы. Он мог перепутать имя, забыть разговор, не запомнить номер.

И всё же, когда он попытался восстановить беседу в памяти, перед

глазами возникла одна деталь: голос на другом конце провода был тихим,

словно говоривший находился в соседней комнате.

А потом связь оборвалась.

Андрей поморщился. Усталость. Последние месяцы он плохо спал, и

память всё чаще подводила его в мелочах. Лена говорила, что ему нужен

отпуск. Он отвечал, что сначала нужно закончить текущие заказы.

Так было проще, чем объяснять, почему он не хотел оставаться дома.

У поворота показался дорожный знак. Синяя краска выцвела, буквы

почти исчезли. Андрей прочитал название посёлка только со второго раза.

Лесное.

Он проехал мимо закрытого магазина, пустой автобусной остановки и

нескольких домов, в окнах которых горел свет. У одного из домов мужчина в

ватнике колол дрова. Он остановился, проводил машину взглядом и

продолжил работу лишь тогда, когда задние фонари исчезли за поворотом.

В центре посёлка Андрей остановился возле небольшого магазина.

Нужно было купить воды и выяснить, как добраться до радиостанции:

навигатор упрямо указывал на лес за последними домами.

Внутри было тепло. Пахло хлебом, мокрой одеждой и кофе из старой

кофемашины. За прилавком стояла женщина лет шестидесяти в вязаном

жилете. Она подняла глаза, когда звякнул дверной колокольчик.

— Вы к кому?

— На старую радиостанцию. Нужно проверить передатчик.

Женщина перестала раскладывать мелочь в кассовом лотке.

— К вышке, значит.

— Если так её здесь называют.
— А кто направил?

Андрей назвал подрядчика.

Женщина нахмурилась, но ничего не ответила. Он взял бутылку воды и

пачку печенья, положил деньги на прилавок.

— Дорогу покажете? — спросил он. — По карте там вроде прямо,

потом налево.

— По карте много чего вроде.

Она вышла из-за прилавка и подошла к окну. За стеклом темнели крыши

домов. Дальше начинался лес.

— Езжайте до конца улицы. Потом будет старая просека. Не

пропустите — там столб с жёлтой полосой. Только если сегодня не

закончите, ночью там не оставайтесь.

Андрей улыбнулся.

— Почему? Медведи?

— Медведи в октябре уже по своим делам ходят.

— А кто тогда?

Женщина посмотрела на него. В её взгляде не было ни насмешки, ни

суеверного страха. Только усталость человека, которому надоело объяснять

одно и то же приезжим.

— Радио.

Андрей подождал продолжения, но женщина вернулась к кассе.

— Оно же не работает, — сказал он.

— Вот и хорошо.

Он хотел спросить ещё, однако заметил на стене за её спи-

ной старую

фотографию. На ней стояли несколько мужчин в одинаковых тёмных

куртках, а позади них возвышалась металлическая вышка. Внизу снимка

было написано: «Радиоузел. 1989 год».

На краю фотографии стоял мальчик лет десяти. Его лицо было

перечёркнуто тонкой чёрной полосой.

Андрей задержал взгляд на снимке.

— Что с ним случилось?

Женщина обернулась.

— С кем?

— С мальчиком. На фотографии.
Она посмотрела на стену, потом снова на Андрея.

— Там нет мальчика.

Он повернулся к снимку.

Фотография висела на прежнем месте. Мужчины, вышка, серое небо.

Никакого мальчика.

Андрей несколько секунд молчал. Затем допил воду, поблагодарил

женщину и вышел на улицу.

Холодный воздух прояснил голову. Он достал телефон и проверил

фотографии, сделанные утром. Снимка магазина среди них не было.

Конечно, не было — он только что приехал.

Он сел в машину и завёл двигатель.

— Выспаться, — сказал он вслух. — Тебе просто надо выспаться.

Слова прозвучали убедительно. Почти.

2. Узел связи № 4

Радиостанция стояла за посёлком, на небольшом возвышении,

окружённом лесом. Вышка была видна издалека: ржавая конструкция

уходила в туман, а на её вершине покачивалась антенна, похожая на

сломанную руку.

Здание оказалось меньше, чем на фотографии. Одноэтажное, с узкими

окнами и просевшим крыльцом. Над входом сохранилась металлическая

табличка, на которой едва угадывались буквы: «Узел связи № 4».

Андрей заглушил мотор и несколько секунд сидел непо-

движно.

Тишина здесь была особенной. Не просто отсутствием звуков — скорее,

ощущением, будто лес поглощал всё, что могло нарушить его покой. Даже

двигатель, остывая, щёлкал как-то приглушённо.

Он достал сумку с инструментами, папку с документами и фонарь.

Проверил замок на двери. Тот поддался не сразу, но после второго рывка

щёлкнул.

Внутри пахло сыростью и старой проводкой.

Андрей включил фонарь. Луч скользнул по коридору, выхватил из

темноты облупленные стены, пустой шкаф и несколько деревянных ящиков.

На полу валялись куски штукатурки. Где-то в глубине здания капала вода.

Он нашёл распределительный щит, сверил маркировку с документами и

сделал первые записи. Потом проверил помещение аппаратной.

Большая часть оборудования была разобрана. На столах остались пустые

стойки, обрезанные провода и пыльные панели. Только у дальней стены

стоял старый радиоприёмник — чёрный, с потёртой шкалой и двумя

тяжёлыми ручками настройки.

Андрей остановился перед ним.

В документах этот прибор не значился.

Он снял перчатки, провёл пальцем по корпусу. Пыль легла серой

полосой на кожу. Приёмник выглядел старым, но не заброшенным: на одной

из ручек блестел чистый металлический ободок, будто её недавно

поворачивали.

Андрей присел и осмотрел кабель. Тот уходил под стол, затем исчезал в

отверстии в стене.

— Ну давай, — пробормотал он.

Он подключил измеритель, проверил цепь и нахмурился. Питание

отсутствовало. По крайней мере, так показывал прибор.

Андрей записал показания, сфотографировал заднюю панель и уже

собирался переходить к следующему помещению, когда из динамика

донёсся короткий щелчок.

Он резко обернулся.

Приёмник не двигался. Индикатор не горел.

В комнате снова стало тихо.

Андрей подошёл к столу и постучал костяшками пальцев по корпусу.

Никакой реакции. Он усмехнулся, покачал головой и убрал измеритель в

сумку.

Старая аппаратура. Конденсат. Наводка. Вариантов хватало.

Он решил проверить прибор после подключения рабочего питания.

К тому времени, когда он закончил осмотр щита, за окнами

окончательно стемнело. Андрей посмотрел на часы:

21:38. Он обещал Лене

вернуться до полуночи, и дорога в сухую погоду занимала около сорока

минут. Сейчас могло быть дольше.

Он достал телефон.

Одно сообщение от Лены:

«Ты где?»

Андрей набрал:

«На объекте. Всё нормально. Скоро выезжаю».

Он не отправил сообщение сразу. Несколько секунд смотрел на экран,

потом добавил:

«Связи почти нет».

Телефон показал, что сообщение не доставлено.

Андрей сунул его в карман, вернулся к щиту и подключил

временную

линию, предусмотренную инструкцией. Он сделал всё по порядку: проверил

автоматы, убедился в отсутствии короткого замыкания, включил питание.

В глубине здания загудел трансформатор.

Андрей поднял голову.

В аппаратной загорелся маленький красный индикатор.

Он не помнил, чтобы подключал к линии сам приёмник.

На столе вспыхнула шкала. Стрелка медленно двинулась вправо,

остановилась, потом снова поползла.

Из динамика послышалось шипение.

Андрей подошёл ближе.

— Проверка связи, — сказал он.

Шум не изменился.

Он повернул ручку настройки на несколько делений. В динамике

щёлкнуло, и сквозь треск проступил голос:

— Андрей.

Он замер.

Голос произнёс его имя так спокойно, будто ждал его здесь весь вечер.

Андрей не ответил. Он смотрел на приёмник, на красный индикатор, на

стрелку, которая дрожала у края шкалы.

— Андрей, не выключай меня.

Он узнал этот голос сразу.

Собственный.

3. По ту сторону стекла

Первой мыслью было, что кто-то включил запись.

Это объясняло почти всё. Старый магнитофон, спрятанный в соседнем

помещении. Радиолюбитель, решивший подшутить над приезжим.

Неисправная коммутация, которая соединяла приёмник с каким-нибудь

другим источником сигнала.

Андрей принялся проверять провода. Отключил питание, выдернул

кабель, осмотрел соединения. Никаких дополнительных блоков. Никакого

магнитофона. Никакого источника, который он мог бы обнаружить.

Он включил фонарь и обошёл аппаратную. За шкафами были только

бетонная стена и старые кабельные каналы.

Вернувшись к столу, он подключил диктофон на телефоне.

— Проверка, — произнёс Андрей. — Андрей Соколов. Двадцать первое

октября. Время…

Он посмотрел на часы.

21:51.

— Двадцать одна пятьдесят одна.

Из динамика раздался щелчок.

— Не называй дату, Андрей.

Андрей отступил.

Он выключил приёмник. Красный индикатор погас, но голос ещё на

мгновение задержался в динамике, словно источник звука

находился не

внутри корпуса, а где-то дальше — в самой комнате.

Потом наступила тишина.

Андрей выключил диктофон и прослушал запись.

На ней были его слова, шум помещения, короткий щелчок. Затем —

голос.

«Не называй дату, Андрей».

Он прослушал фрагмент ещё раз. Голос звучал отчётливо, без помех. В

нём была та же хрипотца, та же короткая пауза перед последним словом.

Андрей убрал телефон.

Ему хотелось позвонить Лене, но связь по-прежнему отсутствовала. Он

хотел выйти наружу, сесть в машину и уехать, но сначала нужно было

понять, почему приёмник работал без питания.

И всё же он не мог избавиться от другой мысли: голос произнёс фразу

именно после того, как он назвал дату.

Не до. Не одновременно.

После.

Он собрал инструменты, выключил рабочую линию и направился к

выходу. По дороге остановился у стены, где висела схема эвакуации. Бумага
выцвела, углы загнулись. Под схемой виднелась свежая полоска пыли,

словно её недавно снимали, а потом вернули на место.

Андрей посветил фонарём.

На схеме красным карандашом был обведён кабинет аппаратной. Рядом

стояла дата: 17 октября.

Ниже, неровным почерком, было написано:

«Соколов. Не допускать к передатчику после 03:17».

Он перечитал надпись трижды.

В документах, которые он получил утром, не было ни слова о

передатчике. Только о приёмнике и проверке оборудования.

Андрей сфотографировал схему. Затем снял её со стены. За ней

обнаружился маленький гвоздь и прямоугольный участок обоев, который

сохранил более светлый оттенок. Никаких тайников, никаких записок.

Он вернул схему на место.

Теперь нужно было уходить.

На улице было холоднее. Ветер шевелил верхушки деревьев, и вышка

тихо поскрипывала, хотя, казалось, её металлические опоры не должны

были издавать такой звук. Андрей запер дверь и направился к машине.

Стартер щёлкнул один раз и замолчал.

Он попробовал снова. Безрезультатно.

— Да вы издеваетесь.

Андрей открыл капот, посветил фонарём, проверил клеммы. Они сидели

плотно. Провода выглядели нормально. Утром аккумулятор был исправен —

он проверял его перед выездом.

Он захлопнул капот и заметил, что изнутри запотело ветровое стекло.

На уровне водительского места проступали цифры.

03:17.

Андрей провёл пальцем по стеклу. Цифры размазались, оставив

прозрачные дорожки в запотевшем пятне.

Он отступил на шаг.

На этот раз ему стало по-настоящему страшно.

Не потому, что он поверил в привидения. Он не верил в привидения. Он

просто больше не мог объяснить происходящее привычными

неисправностями.

Из открытой двери радиостанции донёсся телефонный звонок.

Андрей посмотрел на свой телефон. Он лежал у него в руке, экран был

чёрным.

Звонил другой телефон.

Он вернулся внутрь.

В аппаратной на столе стоял старый чёрный телефон с круглым диском

набора. Андрей видел его днём, но решил, что аппарат давно отключён.

Провод уходил в стену и исчезал за плинтусом.

Телефон звонил.

Андрей снял трубку.

— Алло?

Несколько секунд он слышал только дыхание.

Потом голос произнёс:

— Андрей, ты должен мне поверить.

Это был его голос.

Но теперь Андрей понял, что именно в нём не так.

Голос не звучал как запись. Он дышал между словами, тихо сглатывал и

делал ту же короткую паузу перед последним словом в предложении.

— Кто это? — спросил Андрей.

— У тебя мало времени.

— Кто ты?

— Ты уже был здесь.

Андрей крепче прижал трубку к уху.

— Я здесь впервые.

На другом конце провода послышался тихий смешок. Усталый, почти

беззвучный.

— Ты всегда так говоришь.

— Что значит «всегда»?

— Посмотри на левую руку.

Андрей опустил взгляд.

На запястье, под манжетой куртки, темнел старый шрам. Он получил его

в детстве, когда разбил стекло в подъезде. Семь швов, тонкая белая линия,

которую он давно перестал замечать.

Рядом со шрамом была свежая красная отметина, будто кожу недавно

сдавили металлическим зажимом.

Андрей не помнил, откуда она взялась.

— Что тебе нужно? — спросил он.

— Чтобы ты не включал передатчик.

— Я его уже включал.

На другом конце провода стало тихо.

— Тогда всё началось раньше, чем я думал.

— Что началось?

— Андрей, слушай внимательно. Когда часы покажут три семнадцать,

ты услышишь своё имя. Не отвечай. Что бы ты ни услышал — не

отвечай.

Андрей посмотрел на настенные часы.

Они показывали 03:17.

Он был уверен, что ещё несколько минут назад на них бы-

ло около десяти

вечера. Но теперь стрелки замерли, а секундная дёрнулась один раз, потом

ещё.

— Кто ты? — прошептал он.

Голос ответил не сразу.

— Я тот, кто остался.

Связь оборвалась.

Андрей медленно положил трубку. Внутри телефона что-то щёлкнуло, и

из динамика послышался короткий гудок.

На приёмнике загорелся индикатор.

Он не подключал питание. Он собственными руками выдернул кабель.

Стрелка частотной шкалы поползла к отметке, которую

невозможно

было разобрать в темноте. Из динамика пошёл низкий шум, похожий на

ветер в длинном пустом коридоре.

Андрей хотел уйти. Но ноги словно приросли к полу.

Потому что голос на другом конце провода знал его шрам.

Потому что на схеме была его фамилия.

И потому что в глубине души он уже подозревал, что всё это не могло

начаться сегодня.
Приёмник щёлкнул.

Из динамика раздался треск, а затем голос произнёс:

— Андрей Соколов. Если ты меня слышишь, значит, ты снова забыл.

Андрей закрыл глаза.

— Что забыл?

Ответ прозвучал тихо, почти ласково:

— Кто из нас двоих настоящий.

4. Отражение

Андрей уже собирался уходить, когда заметил отражение в окне.

Сначала он решил, что это его собственная тень. Фонарь лежал на столе,

и свет от него падал под таким углом, что в чёрном стекле отражалась вся

аппаратная: шкафы, стойки, кабельные каналы и сам Андрей — сутулый,

уставший, с расстёгнутым воротом куртки.

Но за его правым плечом стоял кто-то ещё.

Андрей замер.

Отражение было нечётким. Высокая фигура, узкие плечи, голова чуть

наклонена набок. Лицо скрывала темнота, хотя остальная часть комнаты

отражалась достаточно ясно.

Он резко обернулся.

Никого.

Только пустой коридор, открытая дверь аппаратной и полоска света на

полу.

Андрей несколько секунд стоял неподвижно, прислушиваясь. В здании

капала вода. Где-то на крыше скрипел металл. Больше ничего.

— Нервы, — произнёс он.

Слово прозвучало жалко.

Он вернулся к окну и посветил фонарём наружу. Стекло было грязным,

покрытым мелкими царапинами и пятнами засохшей влаги. За ним

начинался лес. В свете фонаря блестели мокрые стволы, а дальше темнота

становилась такой плотной, что луч словно упирался в невидимую стену.

Никакой фигуры.

Андрей уже отвернулся, когда услышал тихий стук.

Один раз.
Он медленно повернул голову.

Стук повторился — теперь чуть ниже, на уровне его груди.

Кто-то стоял снаружи и постукивал пальцем по стеклу.

Андрей отступил на шаг.

В отражении фигура снова появилась за его плечом.

На этот раз он не обернулся сразу. Смотрел только на стекло, стараясь

различить детали. Фигура стояла неподвижно. На ней была тёмная куртка,

похожая на его собственную. Голова оставалась наклонённой, будто человек

пытался рассмотреть что-то на столе.

Андрей медленно поднял руку.

Фигура не пошевелилась.

Он опустил руку.

Тогда отражение подняло свою.

На секунду Андрею показалось, что между ними нет никакого

зеркального сходства. Что человек в стекле просто повто-

ряет его движения

с небольшой задержкой — как плохо настроенная видеозапись.

А потом фигура прижала ладонь к стеклу.

Андрей отшатнулся.

Стук прекратился.

Он направил фонарь прямо в окно. Свет ударил по стеклу, осветил его

собственное лицо, белёсое от напряжения. За окном никого не было.

Но на внутренней стороне стекла, там, где секунду назад лежала ладонь

отражения, проступил отпечаток.

Пять длинных пальцев. Узкая ладонь. Следы влаги.

Андрей не двигался.

Отпечаток медленно пополз вниз, оставляя на стекле прозрачную

дорожку. Будто невидимая рука скользила по нему с другой стороны.

Затем в глубине здания раздался щелчок.

Включился приёмник.

Андрей обернулся. Красный индикатор загорелся сам собой. Стрелка

частотной шкалы дрожала, а из динамика доносился низкий, едва слышный

шум.

Он хотел выйти. Дойти до машины. Разобраться с этим утром, при свете

дня, с людьми, которые смогут подтвердить, что он не сошёл с ума.

Вместо этого он сделал шаг к столу.

Потому что сквозь шум пробивался звук.

Тихое дыхание.

Не из динамика.

За его спиной.

Андрей почувствовал, как что-то едва заметно коснулось воротника

куртки. Холодное, влажное, словно мокрый палец провели по коже у самого

затылка.

Он резко развернулся, ударив фонарём по пустоте.

Никого.

Только открытая дверь, тёмный коридор и его собственное дыхание —

частое, неровное.

На столе лежал телефон. Экран светился, хотя Андрей не помнил, чтобы

доставал его.

На экране была открыта камера.

И шла запись.

Он нажал на остановку, но видео продолжило воспроизводиться.

На записи Андрей стоял у окна. Он видел себя со спины, видел

отражение в стекле и тёмную фигуру за плечом.

Потом камера медленно приблизилась к окну.

Фигура подняла голову.

У неё было лицо Андрея.

Не похожее лицо. Не случайное сходство.

Его собственное лицо — с той же тонкой белой полоской шрама у брови,

которую он получил в двенадцать лет, упав с велосипеда.

На видео Андрей всё ещё стоял неподвижно.

А отражение улыбалось.

В аппаратной что-то тихо скрипнуло.

Андрей посмотрел на экран, потом на окно.

На этот раз в стекле отражалась только пустая комната.

Он выключил телефон и сунул его в карман. Руки дрожали так сильно,

что он едва попал по кнопке блокировки.

У двери он остановился и оглянулся в последний раз.
На запотевшем стекле кто-то вывел пальцем три цифры:

03:17.

А под ними — ещё одну короткую фразу.

ТЫ УЖЕ УХОДИЛ.